

Усмирение Чечни (1919 г.)

После боев в районе Георгиевска Терской области части 1-й Конной дивизии¹ продолжали движение вглубь Терской области по линии железной дороги Минеральные Воды — Грозный, а 2-я Конно-горная батарея, входившая в состав дивизии, была оставлена в городе Гергиевск. Батарее дан был срок в полтора месяца, за который она должна была перевооружиться — перейти от горных орудий образца 1909 г. к легким пушкам образца 1902 г. и заменить офицерский состав солдатским (до января 1919 г. во 2-й Конно-горной батарее 1-й Конной дивизии весь личный состав служил офицерский).

Официально, приказом по Добрармии², штат батареи был определен в 14 офицеров, на самом деле в батарее было оставлено больше; весь офицерский состав, не вошедший в штат батареи, был откомандирован в переменный состав Армавирской офицерской артиллеристской школы, а батарея получила укомплектование из мобилизованных крестьян Ставропольской губернии.

В указанный период вся Терская область, до Владикавказа включительно, носила яркие черты большевистского владычества; в области свирепствовала эпидемия сыпного тифа и особенно сильно поражена была эпидемией область, примыкающая к линии железной дороги.

В начале нашего движения в область все железнодорожные станции и вагоны были заполнены больными, а нередко и мертвыми красноармейцами; недостаток санитарных средств сильно способствовал распространению заразы, которая перебралась и на части Добрармии. Насколько сильно были заражены как железнодорожные станции, так и подвижной состав — вагоны, может служить яркой иллюстрацией следующий факт: за два месяца пребывания батареи в Георгиевске ни одна командировка офицера или солдата не обошлась благополучно; прибывший из командировки, как правило, считался неблагополучным по тифу и через некоторое время действительно заболел. Батарея, укомплектованная в городе Георгиевск до полных штатов, в конце февраля³ выступила в Грозный, имея 50% штатного состава; все остальные были больны и лежали по госпиталям. Местные госпитали, бедные медикаментами и персоналом, представляли печальный вид и больше напоминали не лечебные учреждения, а дом изоляции больных. Все попадавшие в госпиталь или умирали, или по выздоровлении получали длительный отпуск и возвращений в батарею не было.

При таких обстоятельствах, имея 50% штатного состава, батарея выступила в конце февраля в город Грозный — на соединение с

дивизией. По дороге было получено приказание: выгрузить батарею на станции Ермоловской и расположиться квартирами в станице того же наименования. С прибытием в Ермоловскую батарея была вновь укомплектована до полных штатов из мобилизованных крестьян Терской области, и недели три шли усиленные занятия по приведению батареи в боеготовую единицу.

К этому времени в районе города Грозного были сосредоточены части 1-й Конной дивизии, бригада или дивизия, точно не помню, Терского казачьего войска, 7-й Кубанский пластунский⁴ батальон, Терский пластунский батальон. Артиллерию отряда составляли: 2-я и 3-я конные батареи 1-го Конно-артиллерийского дивизиона, Отдельная конно-горная батарея, Терская конная батарея и гаубичная батарея 48-линейных гаубиц. Все эти части, объединенные под общим командованием начальника 1-й Конной дивизии генерала Шатилова, предназначались для операций против Чечни.

Что представляло собой движение Чечни, сказать трудно. В Грозном мне приходилось разговаривать с интеллигентными чеченцами, которые на поставленные вопросы, — что такое чеченское движение? — давали следующий ответ:

«Движение чеченцев нельзя рассматривать как явление большевизма, ибо чеченцы, будучи магометанами суннитского толка, по всей своей природе враждебны атеистическому коммунизму».

Существуют ли среди чеченцев сепаратистские тенденции в узком смысле этого слова?

«Тоже мало вероятно. Старое русское правительство, несмотря на все грехи прошлого чеченского народа — почти двадцать лет упорной борьбы под водительством Шамиля, и в позднейшее время, все знаменитые кавказские разбойничьи выходы из Чечни — Зелим-Хана и других, — относилось к чеченскому народу терпимо. Нам широко были открыты двери средней и высшей школы, мы могли служить в армии, мы пользовались всеми правами русских граждан и, кроме того, были свободны от самого тяжелого налога — налога крови, — мы не несли воинской повинности. Современные явления в Чечне необходимо рассматривать как детонацию на явления во всей России. Кругом война... Чеченский народ по духу воинственен, склонен к жизни абрека⁵, живущего в атмосфере сильных ощущений; это, безусловно, играет роль в современных явлениях жизни чеченского народа. Но необходимо добавить, что тут имеет значение и старый земельный спор чеченцев с терцами⁶».

На мой вопрос, как они смотрят на события будущего и может ли усмирение Чечни принять формы длительной малой войны, большинство загадочно покачивали головами и говорили: «Все зависит от вас самих, как поведете дело...»

По географическому положению Чечня разделяется на большую Чечню — возвышенную, и малую — низменную. Население Чечни, по словам самих чеченцев, не многим превосходит 200 тыс. душ. Отличительной чертой чеченцев служат: высокий рост, хорошее сложение. Будучи одарены богатым воображением, чеченцы, как большинство восточных народов, впечатлительны. Их положительные черты — храбрость и выносливость, а отрицательные — коварство и вороватость. Идеал чеченца — грабеж, и они действительно были поставщиками самых знаменитых кавказских разбойников⁷. Главное занятие чеченцев — скотоводство, но последнее время начало распространяться земледелие и садоводство. Юридический строй — обычные черты родового быта, чеченцы консервативны, у них до последних дней существовала кровная месть. Все чеченцы - мусульмане суннитского толка; религиозный культ доведен до высокой степени и в некоторых случаях переходит в слепой фанатизм.

Река Сунжа служит как бы границей между станицами терских казаков, которые тянутся по левому берегу реки, и аулами чеченцев — по правому берегу. Шайки чеченцев, в большинстве отлично вооруженные, нападают на терские станицы, чем нарушают нормальную жизнь края. Кроме того, они рвали железнодорожное сообщение, разрушали полотно железной дороги или делали нападения на поезда⁸. Пограничные станицы терцев вели полувоенный образ жизни, выставляя день и ночь, сторожевые посты, то же происходит и со стороны чеченцев. Некоторые терские станицы подвергались организованному нападению чеченцев, а другие были совершенно разрушены, как, например, станица Кахауровская.

К моменту нашего прибытия в Ермоловскую настроение казаков-терцев было определено противобольшевистское, все были рады избавлению от «советского рая» и нам, представителям Добрармии, оказывались в станицах знаки внимания. Новое терское правительство⁹ объявило мобилизацию казаков, которая проходила гладко — казаки охотно шли в войска.

Примерно в средних числах марта начальник 1-й Конной дивизии атаковал аул Гойты, но неудачно. Чеченцы оказали упорное сопротивление, и дивизия отошла в город Грозный. Подробности этой операции описывать не буду, ибо лично в ней не участвовал. 2-я батарея находилась в станице Ермоловской и спешно заканчивала обучение личного состава. Через несколько дней генерал Шатилов был ранен на рекогносцировке¹⁰ и временно дивизию принял полковник Пугинин. Полковник Пугинин повторил маневр генерала Шатилова и тоже неудачно; сам полковник Пугинин в этом деле был убит. В операции полковника Пугинина мне тоже не пришлось лично участвовать, а посему воздержусь от ее изложения.

После неудачи полковника Пугинина, 1-ю Конную дивизию принимает генерал-майор Аленич — бывший гвардеец, а всю войсковую группу генерал-майор Генерального штаба Драценко¹¹.

Первые же бои с чеченцами показали, что последние — серьезные противники. У чеченцев было много оружия — винтовок, боеприпасов, которые они отбирали у возвращавшихся с турецкого фронта¹². Характерной особенностью борьбы был ее партизанский характер: чеченцы были у себя дома, знали каждый куст, каждую тропу, каждую складку местности, отлично владели оружием, храбро дрались и главное защищали свои насиженные углы. Как большинство восточных народов, чеченцы жили воображением, а отсюда малейший успех на их стороне окрылял их надежды, но и сильный удар по этому воображению мог привести к скорым и положительным результатам.

Главной штаб-квартирой чеченцев были аулы Шали и Ведено, откуда и шли директивы, и там же находился, скрывавшийся от белых комиссар Гикало¹³. Незадолго перед первой операцией генерала Драценко в ауле Алхан-Юрт, жизнь которого можно было наблюдать из станицы Ермоловской в бинокль, приезжал Гикало. На площади аула были видны красные и зеленые флаги и собравшаяся громадная толпа чеченцев. Этот случай весьма показателен, он характеризует чеченцев не только как добрых мусульман, глубоко чтящих истины Корана, но и способных митинговать под красным флагом и слушать речи представителя безбожного Интернационала¹⁴.

Во второй половине марта в станицу Ермоловскую начали сосредотачиваться части отряда для операции против аула Алхан-Юрт. Вся операция проводилась генералом Драценко и носила характер карательной экспедиции; она ставила целью показать чеченцам нашу силу и разрушением нескольких аулов доказать им, что с ними не шутят, а говорят языком железной действительности.

Методы борьбы и тактика чеченцев мне живо напомнили приемы курдов в персидском Азербайджане в 1912 - 1913 гг. По-моему, и в психологии этих двух народностей много общего: та же склонность к праздности и молодечеству, любовь к коню и оружию делают их сильно похожими друг на друга. Персидские курды прекрасно стреляли из современной винтовки с постоянным прицелом и лихо владели ружьем на больших дистанциях, не умея пользоваться прицелом.

Чеченцы в этом отношении находились в более благоприятных условиях, ибо среди них были готовые, отлично обученные и обстрелянные в битвах Великой войны кадры в лице конного чеченского полка Туземной дивизии¹⁵. Отлично зная местность, благоприятную для скрытных передвижений (равнины Чечни все покрыты густым кустарником, свободно закрывающим всадника), внезапных нападений и засад, чеченцы применяли тактику небольших конных групп, которые,

используя коня для быстрого передвижения на поле боя, будучи разбросанными в разных направлениях, но находящимися между собой в живой связи; проникнутые жаждой победы, безусловно, представляли серьезных противников, ибо дрались отчаянно, особенно при обороне.

При таких условиях задача командующего небольшой войсковой группы, имея перед собой воинственное население, готовое защищать каждый куст своей земли, сильно осложнялась и требовала какого-то продуманного и строго разработанного плана.

Все вышеизложенные факты показывали, что наши атаки любой массы не достигали цели, ибо они не имели своих объектов; здесь трудно было полагаться и на такой, казалось бы, верный фактор победы, как число штыков, шашек, количество и мощность артиллерии, ибо в данном случае живая сила и техническое могущество отряда могли бить в пустое пространство.

Чеченцы имели тыл — равнину, а затем горы. Операция начинается весной, а, следовательно, противник располагал пастбищами, имея главным средством своего существования, скот — молочные продукты; он свободно мог открыть партизанскую войну, отправив весь свой скарб, силы и скот в свой тыл.

При таких обстоятельствах, при наличии даже сильного отряда, превосходящего силы генерала Драценко в несколько раз, правильная операция по всем методам современной тактики, в лучшем случае, могла привести к затянувшейся малой войне, которая могла только ожесточить чеченцев. Вторжение наших войск в самую Чечню, оставляя целыми взятые аулы, было бы равносильно удару бича в пространство. Чечня не имела крупных тактических, стратегических или экономических пунктов, занятие которых могло отразиться на жизни чеченцев. Наступающие войска не встретили бы крупных тактических объектов, чтобы после боя достигнуть желаемых, решительных результатов. Атакующих всюду встречают подвижные засады, меткие пули и гибкая линия конных боевых групп, проникнутых фанатизмом и готовых умереть. Постоянное напряжение, фронт на все 360 градусов — вот что могло ожидать отряд в таких условиях. При дальнейшем продвижении командование должно было выделить солидные гарнизоны для защиты своей коммуникации и так далее... Подобную роскошь генерал Драценко допустить не мог, ибо он не располагал для этого достаточными силами и, главное, временем: войска срочно нужны были на севере — в Донской области и на царицынском направлении. Все эти данные, по моему мнению, и были взяты за основание командованием. Генерал Драценко принимает решение, на первый взгляд, очень суровое, но если в него вдуматься, то оно окажется бесконечно гуманным относительно возможных других планов. Генерал Драценко решает взять первую линию чеченских аулов по реке Сунже и сравнять их с землей; другими словами, он решает

сильно ударить по воображению чеченцев и показать последним, что с ними не шутят. Он учитывает силу психологического фактора: короткий сильный удар, уничтожение ряда аулов и отход в исходное положение, после чего предполагалось войти в переговоры; в случае неудачи переговоров, повторить маневр, с той же силой и теми же последствиями, и со второй линией аулов.

Чеченские аулы довольно благоустроенные; на 40% - постройки европейского типа, и перспектива остаться целыми аулами без крыши, безусловно, пугала чеченцев больше, чем самый отчаянный бой. По моему глубокому убеждению, никакие потоки крови не заставили бы чеченцев сложить оружие, только хорошо продуманный и решительно проведенный план генерала Драценко привел к блестящим и быстрым результатам. Бесконечные жертвы людьми и средствами, как с нашей, так и с чеченской стороны в тысячу раз обошлись бы дороже, чем разрушенные три-четыре чеченских аула. Полагаю, что здесь сильно помогла и дипломатическая работа органов командования, которая мне, как строевому офицеру, далекому от этой деятельности, была не известна, но понятна на фактах самой борьбы.

Среди чеченского народа, в массе своей настроенного анархически¹⁶, было, безусловно, много сторонников государственного начала; последние в главном командовании Добармии видели носителя этого начала, и, будучи в глубине души, хотя бы в силу своих религиозных убеждений, противниками большевизма, они вносили известный диссонанс в общую гармонию борьбы чеченцев. Среди аулов были и такие, которые в большинстве своих обитателей были против войны с Добармией. Широкой солидарности между чеченцами, по моему мнению, не было; внешне проявляя непокорность, не желая исполнять требования командования — вернуться к мирному труду, прекратить разбои, - чеченцы при операции войсковой группы Драценко, не проявляли полной солидарности — всей массой идти на выручку соседа. В этом я вижу не страх чеченцев перед борьбой, а разумную дипломатию органов командования. По моему мнению, чеченцы, как и все восточные народы, презируют слабость и глубоко уважают силу. Малейшее проявление слабости в их глазах может испортить все планы, хотя бы с очевидностью проводимые в их пользу. Это особенно ярко мне удалось наблюдать за два года пребывания в Персии, под курдами. Излишняя строгость никогда не повредит и не сделает курда, чеченца вашим врагом, наоборот, она возвысит вас в их глазах, а при известной политичности, может привязать к вам его и сделать верным и преданным человеком.

Припоминая все подробности операции генерала Драценко, я полагаю, что при их разработке и решении была именно учтена

психологическая сторона дела, которая в данном случае, безусловно, играла первенствующую роль.

Результаты операции говорят сами за себя: в две с половиной недели, при незначительных потерях и силах отряда, Чечня была усмирена и мало того, чеченский народ обязался выставить в ряды Добрармии конный полк. Имя генерала Драценко произносилось чеченцами с уважением с примесью страха, и до конца борьбы Добрармии цветущий край получил мир и порядок¹⁷.

Заканчивая описание обстановки, я перехожу к первой операции против аула Алхан-Юрт. В 20-х числах марта, точно числа не помню, в станицу Ермоловскую были сосредоточены два пластунских батальона, части 1-й Конной дивизии и пять батарей, из которых три конные, одна конно-горная и одна гаубичная. Цель сосредоточения: на следующий день атаковать аул Алхан-Юрт. В исполнение задачи, с наступлением темноты, рабочие команды от пластунских батальонов должны были привести в порядок мост у Ермоловской с расчетом, чтобы он мог поднять легкую батарею. С рассветом следующего дня кубанский пластунский батальон переправляется по мосту на правый берег реки Сунжи и атакует северо-западную часть аула. Терский пластунский батальон наступает восточнее кубанцев и атакует северо-восточную часть аула. Разграничительной линией для наступающих батальонов служит ручей, впадающий в Сунжу с чеченской стороны.

Артиллерия: три легких и гаубичная батареи занимают позиции на левом берегу Сунжи к востоку от станицы Ермоловской; конно-горная батарея придается кубанскому пластунскому батальону и одновременно с ним переправляется на правый берег Сунжи.

Конница бродом переправляется на правый берег и обеспечивает операцию: с юго-востока от аула Гойты и с юго-запада от аулов Гехи и Вамрих. Ей же поставлена задача совершенно отрезать сообщение аула Алхан-Юрт с тылом. В резерве командующего оставались конные силы терцев.

Позицию чеченцев, сильно расчлененную в глубину, можно разделить на передовую, вытянутую перед аулом версты на 1,5 - 2, и главную — опушку аула. Передовая позиция представляла линию постов, сильно разомкнутую и отлично примененную к местности. Главная позиция — аул, представлявший в плане вид разностороннего треугольника, большая сторона которого обращена в сторону нашей атаки, а вершина — в тыл. Впадающим в Сунжу ручьем аул разделялся на две половины: большую — западную, и малую — восточную. На восточной окраине аул заканчивался обрывом 1,5 - 2 сажени, который тянется в северо-западном направлении. Командующий гребень обрыва представлял линию кукурузного поля, по которому разбросаны отдельные сакли.

С рассветом кубанские пластуны закончили переправу и одновременно с терцами начали наступление. Первое же серьезное сопротивление пластуны встретили на линии чеченских постов. Здесь чеченцы проявили необыкновенное упорство, их героизм граничил с самопожертвованием обреченных. Лично все время, наблюдая в бинокль движение правого батальона, я не видел ни одного чеченца, ушедшего во вторую линию сопротивления. Все это, где лежало, там и гибло. В момент штурма первой чеченской линии наши артиллеристы, по моему глубокому убеждению, более прибегали к звуковым эффектам, что нельзя поставить в укор артиллеристскому командованию и личному составу батарей - последний был безупречен. По моему мнению, боевой порядок чеченцев исключал возможность продуктивного использования наличной артиллерии. Боевая линия чеченцев трудно определялась даже в сильные трубы Цейса. На поле никаких ясно видимых демаскирующих позиции чеченцев линий, как то: окопы, линии проволоки, какое-либо движение — все это отсутствовало. Боевой порядок чеченцев представлял цепь боевых групп на больших интервалах и отлично использовавших естественные складки местности. Стрелковая линия противника была сильно изломана и давала как бы искусственную оборону, расчлененную в глубину. Природная боевая сообразительность чеченцев использует подобное построение для сильной перекрестной огневой обороны. Их стрельба из винтовок отличалась необыкновенной меткостью, почти все ранения у пластунов были в верхней части туловища, то есть смертельные. Меткий огонь чеченцев уже на дистанции 1000 метров заставил пластунов прибегнуть к перебежкам одиночными бойцами. Все вышеизложенное ставило артиллерии сложную задачу, которую она смогла выполнить только при соответствующем количестве батарей и при двойном, не менее, боевом комплекте. Тут необходим был мощный, так называемый, большой веер, что потребовало бы не четырех батарей, а в три и четыре раза больше; в силу разрежения боевого порядка чеченце в глубину, необходимо было положить этот веер на нескольких дюймах прицела, тогда можно было быть уверенным, что площадь, занятая противником, обстреляна. Дело еще было осложнено тем, что сама пехота, неся потери от огня противника, не могла указать точек, откуда идет огонь наибольшего напряжения. Когда мы, артиллеристы, задавали этот вопрос, то получали ответ: «Огонь идет со всех сторон». Приданные пехоте наши передовые наблюдатели давали аналогичный ответ; в большинстве, будучи кадровыми офицерами, прошедшими школу Великой войны, они приходили в профессиональный восторг от обороны чеченцев. Все вышеизложенное заставляло пластунов нести серьезные потери при штурме первой линии, особенно правый — кубанский батальон, который потерял убитыми и ранеными значительное число офицеров и пластунов.

Старшее артиллеристское командование в лице полковника Долголова решает парализовать слабость артиллеристской группы массированием артиллеристского огня по участкам батальонов в момент их наступления. Это было очень ценное решение: благодаря ему была сохранена не одна жизнь в пехоте.

В 14 часов дня батальоны подошли к северной окраине аула. Конно-горная батарея перешла на позицию против западной окраины аула и стала в сфере действия ружейного огня противника. Всем батарейным начальникам артиллерии были даны определенные участки северной окраины Алхан-Юрта и в 14 часов 30 минут приказано открыть ураганный огонь. В 14 часов 45 минут батареи должны были перенести огонь внутрь аула, а пластуны штурмовать северную и северо-восточную стороны. Ворвавшимся в аул пластунам приказано было немедленно зажигать все, что могло гореть, — линия пожара должна была служить артиллерии указанием места нахождения наших цепей.

В 14 часов 30 минут наши батареи открыли частый огонь. Отличное управление огнем и продуманное нацеливание на участки дали мощную и равномерную линию огня по всей опушке аула. Уже с первых выстрелов батареей окраина аула во многих точках загорелась, а минут через пять - шесть пластуны в цепях поднимались во весь рост и наблюдали отличную работу артиллерии. Это ясно говорило, что огонь был большой действенности... Чеченцы были ошеломлены; в данном случае они были не в поле или горах, а занимали определенный рубеж, и могли служить целью для артиллерии и объектом атак для пехоты.

В 14 часов 45 минут пластуны двинулись на штурм и без выстрела ворвались в окраину аула. На окраине во многих точках произошел короткий рукопашный бой; отдельные чеченцы отчаянно, с криками «Алла!», бросались с обнаженными шашками на пластунов и гибли на их штыках.

Вся северо-восточная часть аула представляла сплошное море огня; артиллерия интенсивно продолжала давать огонь по той части аула, которая была еще свободна от пожара. Остатки защитников перешли в юго-западную часть аула и оказывали особенное упорство своим правым флангом. Наша конница при конно-горной батарее обошла аул с юга и отрезала тыл чеченцам. Как я уже сказал выше, западная окраина аула оканчивалась обрывом, по которому стояли отдельные сакли; в одной из них залегли чеченцы с пулеметом и сильно обстреливали своим огнем подступы к северо-западной окраине аула, чем остановили движение левого фланга терцев. Начальник артиллерии полковник Долголов приказывает назначить одно орудие от 2-й конной батареи в распоряжение командира терского пластунского батальона. С орудием был послан командир 1-го взвода, который явившись к командиру батальона и ознакомившись от него с обстановкой и задачей, доблестно

карьером выехал на открытую позицию прямо перед чеченцами. Столь славный выезд ошеломил чеченцев, они как зачарованные дали орудию сняться с передка, отъехать последнему и только тогда открыли бешеный огонь по орудию, но уже было поздно. На прицеле 17, прямой наводкой, орудие с четвертого выстрела развалило саклю, где были чеченцы с пулеметом и пластуны с криком «Ура!» ворвались в аул; орудие, не имея потерь, вернулось на позицию батареи.

Около 16 часов бой подходил к концу; артиллерия открывала огонь только по требованию своей пехоты. Пластуны ликвидировали отдельные точки сопротивления в самом ауле, где чеченцы, засев по саклям, отчаянно защищались. К вечеру противник был окончательно уничтожен, пленных не было, и только несколько человек конных наша конница умышленно пустила в тыл, чтобы было, кому рассказать об участии гарнизона Алхан-Юрта. Аул весь был предан огню и горел всю ночь и следующий день, освещая ночью далеко равнину Чечни, напоминая всем непокорным, что их ожидает ближайшее завтра¹⁸.

Бой у Алхан-Юрта еще раз доказал, что представляют собой чеченцы. Они, безусловно, были серьезным противником, но в условиях партизанской войны. В правильном бою, согласно формам современной тактики, они были бессильны и обречены на гибель уже потому, что не имели артиллерии. Но их тактика для партизанской войны является, по моему, верхом искусства: их способность отлично ориентироваться, применяться к местности, большая личная инициатива, умение на расстоянии друг от друга думать одинаково — оценивать обстановку и принимать решения, делает их отличными бойцами. Но как дети природы, мало вкусившие плоды современной цивилизации, чеченцы пасуют перед могуществом современной техники и не выносят артиллеристского огня. В данном случае не только действенный огонь, т.е. огонь, наносящий действительное поражение, но просто разрыв и сопровождающий его звук, создают сильный эффект и угнетающе действуют на психику чеченца. В этом вопросе является блестящим примером выезд на открытую позицию орудия 2-й конной батареи. Свист ружейных пуль и сама смерть не пугают чеченца, это доказывает их отчаянная оборона и нападение с холодным оружием, часто в одиночку, на целые группы пластунов, вооруженных винтовками и примкнутыми штыками.

Полную аналогию мне пришлось наблюдать в персидском Азербайджане у курдов, только там страх перед артиллерией был еще больше. Наши пушки курды называли “шайтан-арба”. Как на характерный можно указать на случай с одним курдом, о котором говорили как о бесстрашном воине. Когда я предложил ему осмотреть нашу горную пушку, он подошел к ней с какой-то осторожностью и в момент, когда я совершенно неожиданно для него открыл затвор орудия,

курд вздрогнул, попятился назад; видно было, что он солидно передрефил. Но этот же курд под ружейными пулями чувствовал бы себя не многим хуже, чем в собственной сакле и вероятно бесстрашно бросится с одним кинжалом на двух - трех солдат. Отсюда у всех этих народностей, может быть, бессознательно, чисто инстинктивно рождается своеобразная тактика, которая в полевом бою своим построением парализует могущество, или, вернее, делает его малодейственным, современной техники.

Вечером в день боя у аула Алхан-Юрт наша артиллерия получила приказ к рассвету занять позицию против аула Валерик. Наши пластуны почивали на южной окраине аула Алхан-Юрт, имея перед собой охранение от конных частей. В исполнение приказа все легкие и гаубичные батареи передвинулись к западу от Ермоловской и заняли позицию по левому берегу реки Сунжа; конно-горная батарея находилась на правом берегу и входила в состав конных частей отряда. С рассветом цепь пластунов от аула Алхан-Юрт двинулась в направлении аула Валерик. Наша артиллерия, имея определенные объекты обстрела, молчала: было распоряжение без особого приказа огня не открывать. Наступление цепей пластунов носило характер демонстративный: выяснить, окажет противник сопротивление или нет. Цепь уже была на расстоянии 1000 - 1200 метров, но противник молчал, все говорило за то, что аул оставлен и защитников не имеет. Передовые цепи пластунов двигались учебным порядком как на плацу, батареи были готовы дать огонь во всякую секунду событий на фронте, и в 200, примерно, метрах чеченцы из аула открыли ружейный огонь по пластунам. Порыв цепей огонь противника не остановил, и пластуны передовых линий, открыв огонь навскидку, вошли в опушку аула. Коннице немедленно отдано было распоряжение охватить аул с юго-востока и никого из аула не пропускать. Я был вызван к телефону начальником артиллерии полковником Долголовым, который мне передал, что, возможно, артиллерия огня открывать совершенно не будет, ибо, по всем данным, в ауле противника мало и пластуны справятся с ним сами. Я предложил полковнику Долголову разрешить мне проехать к пластунам и на месте уяснить обстановку и, получив разрешение, верхом поехал к пехоте.

Мое прибытие к пластунам совпало с прочным занятием нами северо-восточной опушки аула. Въехав в линию резерва на 300 - 400 метров от окраины аула, уже можно было оценить силу сопротивления противника — она была незначительна. Сила огня противника была во много раз слабее, чем было при атаке Алхан-Юрта. При личном обходе передовой стрелковой линии пластунов я вынес впечатление, что здесь дерутся отважные джигиты, может, вопреки желанию массы населения аула. Пластуны продолжали свое движение к аулу. За цепями я вошел в аул, где трудно было отличить, где свои, где чужие — огонь, казалось,

шел со всех сторон... Наша артиллерия молчала, командование всю операцию провело без артиллеристского огня, и, по-моему, это было большим плюсом. Чеченцы воочию убедились в ударной силе частей Добрармии и без помощи артиллерии, а наличие батарей на позиции (батарей стояли на открытых позициях и чеченцам были видны) показало им наличие постоянных и могучих средств, которые во всякое время могут быть использованы в бою.

К 12 часам дня аул пластунами был пройден; как и в первом случае, пленных не было. Наша конница, обеспечивая операцию с юго-востока и юго-запада, глубоко продвинулась в равнину, не встретив сопротивления. С аулом поступили так же, как и с Алхан-Юртом. К вечеру части пластунов и 2-я конная батарея отошли в станицу Ермоловскую, а конные части в город Грозный.

После операции у аула Валерик был перерыв около недели; по всем данным, командование вело переговоры с чеченцами. Как строевой офицер, будучи занят исключительно заботами жизни батареи, где параллельно с боями шли усиленные занятия по подготовке личного состава, пришедшего по мобилизации, я далек был от жизни штабов, и в этой области ничего сказать не могу. Главный начальник операции генерал Драценко, насколько мне известно, находится в эмиграции, и если архиву угодно знать более подробные данные оперативной и политической работы штаба, ему надлежит обратиться по этому адресу. Моя цель — дать объективную, возможно, неполную, картину обстановки и изложить точно события, свидетелем которых я лично был. Я хочу одного: чтобы изложенное мной послужило для читателя, а возможно и будущего историка фактическим материалом — фотографией минувшей действительности.

Через три - четыре дня после последней операции 2-я конная батарея получила приказ перейти в город Грозный. На третий день по прибытии в Грозный батарея два дня входила в состав сторожевого резерва в ауле Устар-Гордай. Отряд генерала Драценко, занимая главными силами город Грозный, имел сторожевое охранение к юго-востоку от Грозного на линии аула Устар-Гордай и в сторону Гудермеса. По всей вероятности чеченцы из района к югу от аулов Алхан-Юрт и Валерик были ошеломлены ударом генерала Драценко и возможно в этом направлении были достигнуты желаемые и положительные результаты. Оставались еще осиные гнезда — это аулы Цацал-Юрт и Гудермес — станция того же наименования на линии железной дороги Грозный - Петровск.

По-видимому, переговоры командования с вышеуказанными аулами к положительным результатам не привели, и в первых числах апреля или конца марта была назначена операция на аул Цацал-Юрт.

В исполнение задачи отряд генерала Драценко — 1-я Конная дивизия, терцы, пластуны, артиллерия, исключая 3-ю конную батарею, были двинуты на Цацал-Юрт. Со стороны Шали и Гудермеса операцию обеспечивали конные части при конно-горной батарее. С рассветом отряд совершил марш по дороге Устар-Гордой - Шали и атаковал аул с запада.

Аул представлял большое селение, имеющее в плане четырехугольник, одной из больших сторон своих обращенных в сторону нашей атаки. Все три опушки аула, исключая атакуемой, примыкали непосредственно к густым зарослям поля и представляли весьма удобный плац для обороны чеченцев: здесь они могли применить всю силу своих тактических приемов. Сторона аула, избранная нами для атаки, примыкала к совершенно ровному полю, — вернее это был луг, который от опушки аула, в сторону нашей атаки, тянулся версты на три, переходя в кустарник. Кустарник, по мере удаления от аула к главной дороге Устар-Гордой - Шали, переходил в лес. Это обстоятельство дало нам возможность скрыть от взора чеченцев наше походное движение, разворачивание нашей пехоты, установку на позицию нашей артиллерии, а, следовательно, и силы нашего отряда. Чеченцы аула Цацал-Юрт, по всем данным, думали повторить оборону Алхан-Юрта и первую линию сопротивления, в виде жидкой цепи постов, вынесли перед аулом версты на две. Но, не имея никаких естественных укрытий, местность была совершенно ровная, они вынуждены были выкопать ряд небольших окопов профиля «с колена», что, конечно, являлось прекрасной целью для нашей артиллерии.

Необыкновенно меткий огонь батарей в течение получаса, на очень близких дистанциях, совершенно уничтожил защитников некоторых окопов. Прямые попадания 48-линейных бомб в чеченские окопы производили уничтожающее действие и сильный моральный эффект. Цепи пластунов, наступающие на чеченские окопы, встретили весьма слабый огонь сопротивления; в случаях же, когда какой-либо окоп проявлял особенно сильную огневую деятельность, батареи переносили свой огонь по указанной цели и уничтожали ее защитников. В данном случае работа артиллерии выразилась во всей ее силе и могуществе, ибо она видела определенные цели, а пехота, когда ее сильно беспокоил огонь противника, точно указывала, откуда он шел. Чеченцы в данном случае не учли могущества собственной тактики, своей силы в полевом бою, когда окопами служат им естественные складки местности, а не искусственные сооружения, которые могли быть только их могилой, ибо они демонстрировали линию их сопротивления и являлись отличными целями для нашей артиллерии, которой сами чеченцы не имели.

По овладении передовой линией обороны чеченцев пластуны продолжили наступление на окраину аула. Из аула чеченцами не было оказано никакого сопротивления; по всему было видно, что аул

обитателями оставлен наспех. По опушке аула был виден бродящий скот и домашние птицы, а из некоторых труб шел дым. Это показывало, что обитатели совершенно не ожидали нашего наступления. Пластуны уже подошли к опушке аула шагов на 200 - 300, где и были остановлены по распоряжению генерала Драценко. В начале боя и в период атаки пластунами передовой чеченской позиции я был на наблюдательном пункте батареи; пункт представлял стог сена, на котором все время боя был и генерал Драценко. Последний в разговоре с окружающими заявил, что если чеченцы окажут сопротивление из аула, то участь его будет та же, что и Алхан-Юрта. При подходе пластунов к самой окраине аула генерал Драценко получил какое-то донесение от конницы. В этот момент я сидел на коня, чтобы переехать на другой пункт — ближе к западной окраине аула; одновременно с этим меняла позицию и батарея. По всей вероятности, донесение было важное, ибо генерал Драценко тут же по телефону приказал остановить движение пластунов и в аул не вступать, лишь приказал поспешить с переездом на позицию.

Дальнейшее мне не известно, но, судя по событиям, можно предположить, что чеченцы Цацал-Юрта, а возможно и ближайших аулов, изъявили полную покорность, так как дальнейшего продвижения наших частей не было; на всей западной окраине аула была расставлена цепь часовых, которая в аул никого не пускала. Наши батареи, переменяя позиции, стали непосредственно за цепями и готовы были по первому приказанию открыть самый жестокий огонь.

Весь наш боевой порядок был отлично виден с небольшой высоты восточнее аула Цацал-Юрт, где видны были толпы чеченцев. Отличный порядок и дисциплина в центре; три стоящих, но сохраняющие жуткое молчание, батареи, должны были сильно бить по воображению чеченцев. Последние, наблюдая грозную линию боевого порядка, чувствовали, что одно слово старшего начальника и от аула Цацал-Юрт ничего не останется. За период остановки наших цепей я и командир другой батареи забирались на одну из ближайших хат, чтобы рассмотреть местность за аулом. С хаты, верстах в пяти восточнее аула, мы увидели большое скопление людей, лошадей и повозок, — это, по всей вероятности, были обитатели аула Цацал-Юрт. При оценке расстояния, я понял, что чеченцы находились в сфере нашего дальнего артиллерийского огня. Спустившись с хаты, я объехал часть передовой позиции чеченцев, где по окопам лежали трупы убитых; здесь мне впервые пришлось при убитых увидеть берданки и даже старинные, кремниевые ружья, но большинство убитых были при шашках и все при кинжалах.

В положении остановки отряд оставался часа два - три, затем было получено приказание отойти в исходное положение — на опушку кустарника. Отход был совершен со всеми предосторожностями: сперва

отошли батареи и стали на старые позиции, а затем отошла пехота. В кустарнике отряд свернулся в колонну и походным порядком прибыл в Грозный, сюда же к вечеру прибыла и 1-я Конная дивизия.

Насколько мне не изменяет память, я слышал, что после каждого переговоров, которые приводили к положительным результатам, командование в обеспечение исполнения поставленных требований брало от смирившихся чеченцев заложников. После Цацал-Юрта снова прошел перерыв в несколько дней; по всей вероятности, в этот промежуток времени командование вело переговоры с чеченцами; какой они носили характер, мне не известно, но, по всем данным, были успешны, ибо на Страстной неделе — в первых числах апреля, была назначена операция на Гудермес. В исполнение задачи отряд выступил из Грозного, и после ночевки в станице Ильинской, на следующий день атаковал аул Гудермес со стороны станции Кахауровской. Станица Кахауровская и станция Гудермес были разрушены до основания — торчали одни обуглившиеся остовы бывших построек.

Аул Гудермес, представлявший очень большое и богатое селение, располагался на правом берегу реки Сунжа, к югу от железной дороги. К западу от аула находилась высота, которая командовала как над аулом, так и над подступами к последнему. Река Сунжа вышла из берегов и представляла бурный поток, составляя естественную преграду на путях нашей атаки. На высоте к западу от аула чеченцы построили окопы, не совсем доведенные до полного профиля; последние мне удалось осмотреть и нужно сказать, что они отвечали требованиям современной огневой тактики; в местах, где была вероятность флангового обстрела со стороны противника, были построены траверзы. Вообще, было видно, что постройка проводилась под наблюдением не только офицера, но офицера опытного, отлично разбиравшегося в требованиях современной тактики к инженерному искусству. Все вышеизложенное делало позиции чеченцев очень сильными, и при наличии естественных преград, они были трудно доступными или брались с большими жертвами.

В данном случае чеченцы вновь не учли весьма важное обстоятельство: это отсутствие у них артиллерии и наличие последней у нас. В правильном бою со всеми атрибутами современных позиций — окопами, проволочными заграждениями и т.д. чеченцы, конечно, всегда были обречены на поражение, ибо наша артиллерия, хотя и малочисленная, но сильная по боевым и техническим качествам, находилась в руках офицеров с большим опытом Великой войны. Кроме этого, раз заняв окопы, чеченцы уже являлись определенной, ясно видной целью атаки нашей пехоты, которая в большинстве состояла тоже из бойцов, прошедших школу Великой войны.

Наши батареи на очень близких дистанциях были расположены так, что брали позиции чеченцев под фланговый и перекрестный огонь;

батареям приказано было быть готовыми к открытию огня по приказанию начальника артиллерии. Как только цепи нашей пехоты подошли на 1500 - 2000 шагов к линии чеченских позиций, последние открыли из окопов ружейную стрельбу; в этот момент батареи получили приказ открыть огонь по высоте. Отлично управляемый и меткий огонь наших батарей засыпал окопы чеченцев шрапнелью; последние не выдержали артиллеристского огня и, неся тяжелые потери убитыми и ранеными, оставили окопы, рассыпавшись по высоте. Но и в данном случае маневр их был неудачен, ибо скат высоты был обращен к нам и цепи чеченцев, хотя и редкие, но были видны как артиллеристскому наблюдению, так и пехоте. Пехота своим пулеметным огнем буквально выкашивала чеченцев, которые гибли, но нужно отметить, с большим мужеством.

В момент, когда наши цепи, наступающие на высоту, — правый фланг боевого порядка, - подходили к оставленному чеченцами окопу, левый фланг, наступающий на аул, уже ворвался в опушку аула, и аул во многих точках загорелся. Чеченцы, увидев пожар в ауле, одновременно во многих местах подняли на шестах белые флаги. Через некоторое время мимо нашей батареи под конвоем казаков проехали с завязанными глазами два чеченских парламентаря, а минут через сорок было отдано приказание остановить наступление.

Под Гудермесом ожидался особенно жестокий бой, на самом деле он оказался самым слабым в сравнении с предыдущими. Через несколько минут после приказа «отбой» я говорил по телефону с начальником артиллерии, который передавал, что чеченцы изъявили полную покорность, согласны на любые условия и умоляют об одном: не жечь аула.

За поздним временем отряд ночевал на позициях и утром на следующий день походным порядком вернулся в Грозный. Операцией под Гудермесом заканчивается умиротворение Чечни, последняя изъявила полную покорность, готовность исполнить все требования командования, и, кроме того, в состав Добрармии выставить конный чеченский полк¹⁹.

Если оглянуться на историю простого чеченского народа, его почти двадцатилетнюю героическую борьбу под знаменем Шамиля²⁰; его блестящие боевые страницы — Ахульго-Гулиб; в позднейшее время — Зелим-Хан, этот легендарный разбойник, который при могуществе императорского правительства терроризировал целый край и был неуловим; если принять во внимание, что против незначительной шайки Зелим-Хана назначались карательные экспедиции из всех родов оружия и безуспешно, то можно уяснить все значение блестяще проведенной компании генералом Драценко.

С микроскопическим отрядом сравнительно с задачей и незначительными жертвами при ее выполнении, он с несокрушимой энергией и силой проводил раз начатый план и достиг поразительных результатов. Если кратко припомнить все детали боев с чеченцами группы генерала Драценко, то мы увидим, что и в данном случае чеченцы проявили дух своих предков. Алхан-Юрт стоил нам дорого, но несоизмеримо дороже он стоил чеченцам; по-моему, в этом и заключается секрет дальнейших успехов. Алхан-Юрт сильно ударил по воображению чеченцев; они увидели и на собственной шкуре испытали ударную силу частей Добармии; они убедились, что если необходимость потребует, то вожди армии не остановятся перед самыми крайними и решительными мерами... Мы видим, как в каждой последующей операции чеченцы доводили дело до оружия, но сила их сопротивления в каждом последующем бою неизменно падала. Наконец, Гудермес, о котором все говорили, как о чем-то страшном, молит о пощаде, готовый исполнить все требования, и эта последняя победа взята с минимальными, сравнительно, жертвами. После Гудермеса 1-я Конная дивизия при 2-й и 3-й конных батареях на Пасхальной неделе погрузилась в вагоны и была переброшена на царицынское направление, откуда и начались бои за обладание станцией Торговая.

28 июня 1925 г.

г.Прага

ПРИМЕЧАНИЯ

А.Л.Писарев – полковник российской императорской армии, участвовал в 1-й мировой войны, в 1918 г. вступил в Добровольческую армию, в 1919 г. командовал 2-й Конно-горной батареей. В 1920 г. эмигрировал. Жил в Праге. Воспоминания об операциях Добровольческой армии в Чечне зимой – весной 1919 г. были написаны им в 1925 г. по просьбе Русского заграничного исторического архива в Праге, где хранились до его передачи в СССР в 1946 г. Сейчас рукопись хранится в Государственном архиве Российской Федерации – Ф.5881.Оп.2.Д.567.Л.1-23. Впервые воспоминания были опубликованы с сокращениями в... В настоящем номере «Нового исторического вестника» воспоминания публикуются полностью, проведена лишь минимально необходимая редакционная правка.

¹ 1-й Конной дивизией, части которой были сформированы преимущественно из кубанских казаков, с конца декабря 1918 г. по начало мая 1919 г. командовал генерал Шатилов Павел Николаевич (1881 - 1962). В январе по приказу командующего Кавказской Добровольческой армией генерала Врангеля Петра Николаевича (1878 – 1928) он объединил командование 1-й Конной дивизией, которой фактически командовал командир ее 1-й бригады генерал Топорков Сергей Михайлович (1880 –

1931), и 1-й Кубанской дивизией, которой командовал генерал Крыжановский Владимир Васильевич.

² Добрармия – широко распространенное в просторечьи название Добровольческой армии.

³ Здесь и далее события датированы по старому стилю (Юлианскому календарю), который действовал на территории, занимаемой Добровольческой армией и Вооруженными силами на юге России.

⁴ Пластунскими назывались пешие батальоны, формировавшиеся в составе казачьих войск из малосостоятельных казаков. Название и тактические приемы происходят от пехоты Запорожской Сечи XVII в.

⁵ Абрек (кабард.) – разбойник.

⁶ Терское казачество владело рыбными промыслами на Каспийском море, на реках Терек, Сунжа и Малка, а также соляными промыслами, каменоломнями, нефтеносными участками, аренда которых давала войсковой казне ежегодно около 2 млн. рублей дохода. К октябрю 1917 г. Терская область представляла собой узел многочисленных сословных и национальных противоречий. Иногородние крестьяне требовали земельного передела и уравнивания в правах с казаками. Ингуши и чеченцы добивались возвращения земель в Сунженском районе, отбитых у них терскими казаками в ходе Кавказской войны XIX в. и законодательно закрепленными за Терским казачьим войском русским правительством.

⁷ Объективности ради следует привести более широкий взгляд – генерала А.И.Деникина - на грабеж как главное, наряду со скотоводством, «занятие» горских народов и причины его распространения в 1918 – 1919 гг.: «Еще в мирное время жизнь на Кавказе была беспокойной и кавказские пути требовали усиленной военной охраны. С выводом войск на фронт Мировой войны, потом с началом революции и ослаблением центральной и местной властей, положение стало еще хуже. Наконец, Гражданская война, бесчисленные фронты, разрушение железных дорог, общее разорение и кровавые счета – все это произвело в крае небывалый хаос. Грабеж как занятие, пользовавшееся почетом на Кавказе, стал теперь обычным ремеслом, значительно усовершенствованным в приемах и «орудиях производства» – до пулеметов включительно. Грабили все «народы», на всех дорогах и всех путников – без различия происхождения, верований и политических убеждений. Иногда сквозь внешний облик религиозного или национального подъема хищным оскалом проглядывало все то же обнаженное стремление. Дороги в крае стали доступными только для вооруженных отрядов, сообщение замерло и жизнь замкнулась в порочном круге страха, подозрительности и злобы» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т.4. С.121).

⁸ Как пишет А.И.Деникин, «Чечня волновалась, район Грозного становился непроезжим, повсеместно участились нападения и обстрелы; вместе с тем чеченцы прервали железнодорожное сообщение с Петровском, произведя крушение двух рабочих поездов. Начиналось серьезное восстание,

---

центром которого стал аул Гойты, верстах в 25 от Грозного» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.4. С.126).

⁹ В январе 1919 г. главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин назначил командира 3-го армейского корпуса генерала Ляхова Владимира Платоновича (1868 – 1919) главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края; ему принадлежала высшая гражданская и военная власть в крае; «столицей» края он избрал Пятигорск. Там же находились органы власти Терского казачьего войска: избранный в конце января Терским большим войсковым кругом атаман генерал Вдовенко Герасим Андреевич (1867 – 1944) и назначенное им правительство.

¹⁰ П.Н. Врангель сохранил воспоминания о своей случайной встрече в конце марта с генералом П.Н. Шатиловым по пути из Кисловодска в Сочи: «На одной из станций я нагнал санитарный поезд. В отдельном вагоне находились раненые генерал Шатилов и доблестный командир 1-го Запорожского полка полковник Павличенко. Я прошел навестить их. Генерал Шатилов был ранен в ногу, рана была не опасна, но весьма мучительна. Полковник Павличенко был жестоко изранен в рукопашной схватке с чеченцами. Он получил семь пулевых и шашечных ран. Голова, руки и ноги его были забинтованы. К счастью, ни одна из ран не была серьезна...» (Врангель П.Н. Записки. Ч. I. // Белое дело. М., 1995. Кн. 4. С. 147).

¹¹ Драценко Даниил Павлович (1876-194?) — окончил Одесское пехотное юнкерское училище в 1897 г. и Николаевскую академию Генерального штаба в 1908 г. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, в 1915 г. был произведен в полковники. В 1918 г. вступил в Добровольческую армию, с октября 1918 г. состоял при штабе 3-го армейского корпуса генерала В.П. Ляхова. В середине марта 1919 г. был назначен командиром 1-й Конной дивизии, произведен в генерал-майоры и принял командование группой войск, которой до своего ранения командовал генерал П.Н. Шатилов. С начала 1920 г. служил военным представителем главкома ВСЮР в Батуме. В июле – августе 1920 г. занимал должность начальника штаба десантной группы генерала С.Г. Улагая во время подготовки и проведения неудачной десантной операции из Крыма на Кубань. С конца августа по начало октября командовал 2-й армией в составе Русской армии генерала П.Н. Врангеля, был произведен в генерал-лейтенанты. В ноябре 1920 г. с остатками Русской армии эвакуировался из Крыма в Турцию. С 1922 г. жил в Югославии, где служил в военном ведомстве.

¹² Имеется в виду Кавказский фронт русской армии в Первой мировой войне.

¹³ Гикало Николай Федорович (1897-1938) – уроженец Грузии, по окончании Тифлисской военно-фельдшерской школы в 1915 г. служил в армии. С марта 1918 г. – председатель Грозненского комитета РКП(б) и исполкома Совета, с мая 1918 г. командовал вооруженными силами Грозного, в августе - ноябре возглавлял так называемую «100-дневную оборону» города, в ходе которой красноармейские части отбивали атаки отрядов

восставших терских казаков. С 1919 г. – член Кавказского краевого комитета РКП(б), член комитета обороны Терской советской республики и командующий Терской повстанческой армии, боровшейся против власти Добровольческой армии. А.И.Деникин отмечал большую роль Н.Ф.Гикало в событиях 1919 г. на Северном Кавказе.

¹⁴ Симпатии чеченцев к большевикам основывались на успешном розыгрыше большевиками «земельной карты»: большевистское правительство Терской советской республики в мае 1918 г. отобрало у Терского казачьего войска и передало чеченцам их бывшие земли в Сунженском районе. В основном это были рабочие и крестьяне-иногородние, проживавшие в Терской и Кубанской областях. Зимой – весной 1919 г. в чеченских аулах нашли приют тысячи командиров и бойцов XI советской армии (Бывшей Красной армии Северного Кавказа), разбитой Добровольческой армией в ходе Северокавказской операции в августе 1918 – январе 1919 гг. Они продолжали борьбу против Добровольческой армии и Терского казачьего войска как самостоятельно, формируя красногвардейские отряды, так и в составе чеченских отрядов.

¹⁵ В действительности во время Первой мировой войны в состав Кавказской туземной конной дивизии входили 1-й и 2-й Чеченские конные полки, сформированные из чеченцев-добровольцев.

¹⁶ «Анархическими» настроения чеченцев А.Л.Писарев называет на основании их симпатий к большевикам и нежелания признавать власть главного командования ВСЮР, что не имеет ничего общего с истинным анархизмом, отрицающим в принципе государственную власть, собственность и религию. Вообще для командования и офицерства Добровольческой армии анархизм стал синонимом большевизма.

¹⁷ В действительности в середине августа 1919 г. в горной части Чечни началось новое восстание против Добровольческой армии.

¹⁸ А.И.Деникин так пишет об этих событиях: «16 - 23 марта сильный отряд, в составе кубанских и терских казаков, под начальством генерала Драценко, нанес поражение чеченцам, особенно тяжкое у аула Алхан-Юрт, где они потеряли до 1000 человек. Бои сопровождалась жестокостями с обеих сторон и разрушением нескольких аулов. Потрясенные этой неудачей чеченцы Грозненского округа начали присылать со всех сторон депутации с изъявлением покорности...» (Деникин А.И.Очерки русской смуты.Т.4.С.126).

¹⁹ «Умиротворение» было недолгим, ибо «усмирение», как признает А.И.Деникин, не устранило территориальных и социально-экономических противоречий между терскими казаками и горцами. На его взгляд, это был «спор старый, кровавый, который нельзя было разрешить скоро и безболезненно...» (Деникин А.И.Очерки русской смуты.Т.4.С.242). Кроме того, повстанческое движение в Чечне всеми мерами активизировали в своих интересах большевики, которые опирались в своей деятельности на 11-ю советскую армию, оборонявшую Астрахань. Как пишет А.И.Деникин, «в середине августа более серьезное восстание поднято было в горной Чечне

шейхом Узун-Хаджи. Он подымал народ, разжигая национально-религиозную вражду, в то время как его сообщники – Шерипов и выходец из Грузии Гикало вели большевистскую пропаганду, направляемую из Астрахани. Силы Узун-Хаджи вскоре выросли до ½ тыс. при 4 орудиях, а первые успехи, одержанные над мелкими нашими отрядами, окрылили надеждами и усилили авторитет шейха... В темном крае, где личные влияния враждебных обыкновенно друг другу шейхов имамов и мулл подменяла подлинно народные движения, авторитет Узун-Хаджи был неодинаков: в плоскостной Чечне к нему отнеслись враждебно, в нагорной – одни видели в нем святого, действующего по воле Аллаха, другие смотрели на предприятие шейха как на возможность хорошо пограбить...

Началась настоящая война, в которой на нашей стороне было вооруженное ополчение почти всей плоскостной Чечни, поднятое председателем Чеченского национального совета Ибрагимом Чуликовым» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.4. С.242-243).

²⁰ Имам Шамиль (1797 - 1871), глава мусульманского военно-теократического государства в Дагестане, с 1834 г. возглавлял борьбу горцев Дагестана и Чечни против русских войск. В ходе войны ориентировался на поддержку турецкого султана и британского правительства. В 1859 г. был взят в плен русскими войсками в ауле Гуниб и поселен с семьей в Калуге.